

X-20
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЧАСТЬ

На правах рукописи

ХАРАТЯН ГРАНУЛ СЕРГЕЕВНА

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРКЕСОГОВ

Исторические науки

(07.00.07 - Этнография)

*Судя по запискам
этнографическая
исследования
по этнографии!
М. М. Мухоморова
21.11.81р.*

Научный руководитель - доктор исто-
рических наук Л. И. ЛАВРОВ

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЛЕНИНГРАД - 1981

Работа выполнена в Институте этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

Научный руководитель - доктор исторических наук Л.И.Лавров

Официальные оппоненты: доктор исторических наук К.Н.Юзбашян,
кандидат исторических наук А.В.Гадю

Ведущее научно-исследовательское учреждение - Адыгейский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

Защита диссертации состоится "___" _____ 1982 г.
на заседании Специализированного совета К-002.76.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при Ленинградском отделении Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (199164, Ленинград, Университетская наб., 3).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградского отделения Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.

Автореферат разослан "___" _____ 1981 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

А.М.Решетов

Актуальность темы. В современной историко-этнографической литературе важное место уделяется глубокому и всестороннему научному исследованию этнических процессов, конкретных условий формирования и функционирования историко-культурных образований, многообразия характера и соотношения этноэволюционных и этнотрансформационных изменений в историческом процессе. Изучение указанных аспектов не только позволяет определить характерные черты и сущность каждого отдельного феномена, но и разграничить различные категории историко-культурных образований и их типичные особенности, обогатить теорию и методику этнографической науки. В этом смысле значительный познавательный интерес представляет этно-культурная история черкесогоаев (от этнонимов "черкес" и "гай" - "гай", второй - самоназвание армян), исследованию которой посвящена данная работа. История черкесогоаев, издавна проживавших среди различных адыгоязычных групп, в политическом и этно-культурном аспектах мало изучена, многие вопросы, касающиеся истории переселения армян на Северо-Западный Кавказ, исторических особенностей своеобразного историко-культурного образования, характера межэтнических контактов и их отражения в культурно-бытовом облике черкесогоаев остались вне поля зрения исследователей.

Изучение этно-культурной истории черкесогоаев важно не только для всестороннего изучения исторических судеб одной из частей армянского этноса, отделившейся от него и обосновавшейся на Северо-Западном Кавказе, но имеет и более широкое значение, поскольку тесно увязывается как с исследованием истории и этнографии населения данного региона, так и с разработкой ряда узловых теоретико-методических принципов общей этнографии в связи

с исследованием характера проявления межэтнических контактов.

Цель исследования. Основная задача настоящей работы состоит в изучении исторических условий переселения группы армян на Северо-Западный Кавказ, характера установившихся контактов с различными адигоязычными этно-культурными образованиями, приведшими в итоге к сложению черкессогайского феномена. С целью всестороннего изучения указанных аспектов, в работе последовательно прослеживается изменение характерных черт языкового и культурно-бытового облика армянского населения, его сближение с адигоязычным населением на значительном историческом отрезке времени (XI-начало XX вв.).

Научная новизна. Историческая судьба армян складывалась так, что издавна они вынуждены были покидать свою родину и большими или малыми группами поселяться во многих странах мира. В целом ряде стран образовались армянские колонии со своими специфическими условиями этно-культурного развития. Их история и в политическом, и в социально-экономическом, и в культурно-бытовых отношениях протекала как под воздействием историко-культурного развития окружающих их индоевропейских общностей, так и в большей или меньшей связи с основным этническим массивом армян. Политическая история переселенческих групп армян издавна привлекала внимание арменоведов. Сегодня встает задача их комплексного историко-этнографического изучения, которое позволит выявить все многообразие этно-культурного развития, вскрыть общие и специфические черты, характер и интенсивность межэтнических контактов и их влияние на формирование культурного облика населения отдельных переселенческих очагов.

Проблема научного исследования исторических особенностей

формирования черкессогайского этно-культурного образования в советской этнографической науке в историко-этнографическом аспекте ставится впервые. Новым в диссертации является выяснение характера межэтнических контактов армян-переселенцев с местным населением, раскрытие динамики трансформации в их культурно-бытовом облике, определение места черкессогаев в системе историко-культурных образований. Представленное исследование дает возможность для более глубокого анализа совокупности этно-культурных процессов на Северо-Западном Кавказе в средневековье и новое время, выявления общих и специфических закономерностей динамики межэтнических контактов.

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при изучении характера межэтнических контактов в других регионах Кавказа, в других странах с армянским переселенческим населением, что в целом может способствовать дальнейшей разработке теоретических и исторических вопросов в современной этнографической науке (а в кавказоведении в особенности); при создании исторических и этнографических пособий, посвященных армянам и населению Северо-Западного Кавказа, а также в ведении краеведческой работы среди населения Армавира.

Методология исследования. Методологической основой диссертации послужили произведения классиков марксизма-ленинизма по теории культуры и этно-культурных процессов, а также работы ученых-марксистов, в которых разработаны вопросы эволюции культурных явлений в историческом разрезе. Проблемы формирования и функционирования черкессогайского историко-культурного образования исследуются автором с позиций исторического материализма, в

свете достижений советской исторической и этнографической наук.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации отражены в пяти опубликованных работах. По теме исследования были сделаны доклады на конференциях Института востоковедения АН Арм.ССР и Института этнографии АН Арм.ССР. Диссертация была обсуждена на заседаниях сектора Народов Кавказа Института этнографии им.Миклухо-Маклая в Москве и сектора Народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Ленинградского отделения того же института.

Источники. Источниковедческой базой работы послужили:

1) полевые этнографические материалы, собранные автором в 1976-1978 гг. в различных населенных пунктах Краснодарского края, преимущественно, в городах Армавире, Краснодаре, Майкопе, Белореченске, Нефтегорске, а также в аулах Бжедухабль, Кошехабль, Бжедховская, в хуторе Кушинка; 2) архивные материалы из фондов Государственного архива Краснодарского края (далее ГАКК), филиала ГАКК-а в г.Армавире, архива ЗАГС-а г.Армавира, Центрального государственного исторического архива Арм.ССР (далее ЦГИА), архива Музея искусства и литературы им.Е.Чаренца Министерства культуры Арм.ССР, архива Института древних рукописей им.М.Маштоца (далее архив Матенадарана); 3) материалы и исследования русских и местных авторов второй половины XIX-начала XX вв. по черкесогаям и различным народам Северо-Западного Кавказа, а также работы советских исследователей по аналогичным вопросам.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность темы, ее цель и значение, определяются задачи исследования, новизна, практичес-

кая значимость, методология исследования, дается обзор источников.

Краткий обзор литературы показывает, что если целый ряд аспектов политической и социально-экономической жизни черкесогаяв для конца XVIII и особенно XIX вв., нашли в ней определенное отражение, то ни ранняя и ни современная их история не изучены в достаточной мере. Вопросы же культурно-бытового развития, характера межэтнических контактов и основных этапов сложения и функционирования черкесогаяв почти не нашли отражения в имеющейся литературе. В частности, совершенно не представлены особенности материальной культуры (поселения, жилища, одежды и утвари), некоторые стороны общественно-семейного быта (формы семьи и семейного быта, характер родственных и соседских отношений), отдельные элементы духовной культуры. То есть, вопросы этнической истории черкесогаяв, в самом широком смысле этого понятия, еще не привлекали специального внимания. Этим объясняется не только отрывочность материалов и противоречивость в вопросах о времени и причинах переселения армян в Черкессию, но и неразработанность вопросов, касающихся этапов становления и развития черкесогаяв, характера их этно-культурного взаимодействия с окружающим адыгоязычным населением, соотношения собственно армянских и адыгских по происхождению элементов во всем этно-культурном облике черкесогаяв.

В комплексном историко-культурном изучении черкесогаяв важное значение приобретают архивные материалы. Последние весьма разнообразны как по характеру, так и по степени важности и объему содержащихся в них сведений: Имеются статистические данные, сведения о хозяйственной, общественной и экономической жизни

черкесогаяев, данные относительно межэтнических культурно-бытовых контактов и др.

Полевые этнографические материалы позволили восстановить некоторые особенности этно-культурного облика черкесогаяев после ухода с гор, с акцентированием внимания на многих сторонах хозяйственного быта и материальной культуры, общественно-семейного быта и духовной культуры, их расселенности, направленности этнической ориентации и др., т.е. поднять вопросы, которые совершенно не затрагивались в специальной литературе. Собранные этнографические материалы охватывают различные хронологические срезы - с конца XIX в. до наших дней, что позволяет проследить изменения, происшедшие в различных сферах жизни черкесогаяев за указанный период.

В первой главе диссертации - "Переселение армян на Северо-Западный Кавказ и формирование черкесогаяев" проблема рассматривается в двух аспектах: в аспекте самого факта переселения и в аспекте тех политических, социально-экономических и культурно-бытовых условий, в которых происходило постепенное сближение армянского населения с местными адыгоязычными этническими общностями и формирование черкесогаяев. Соответственно с этими аспектами данная глава диссертации делится на два параграфа.

В первом параграфе, посвященном переселению армян на Северо-Западный Кавказ, отмечается, что различные источники дату переселения армян на Северо-Западный Кавказ относят к самым различным периодам - к XII, XIV, XV, XVI и даже XVII векам. Такая противоречивость происходит от того, что те или иные авторы основываются на разных исторических преданиях черкесогаяев, записанных в течение XIX-начала XX вв., которые и по характеру, и объему сооб-

щаемой информации значительно отличаются друг от друга. В данном параграфе диссертации дается сравнительный анализ всех имеющихся преданий, в комплексе рассматривается весь круг первоисточников. Автор приходит к выводу, что переселение армян на Северо-Западный Кавказ было не одновременным актом, а длительным процессом. Переселение первой группы имело место, по всей видимости, в начале XI в. Первые переселенцы поддерживали постоянную связь с армянской колонией в Крыму, а через нее с армянами других районов. Именно эти связи обусловили в дальнейшем приток новых групп переселенцев-армян, за счет чего и пополнялось армянское население в черкесских горах. Эти новые выходцы были как из самой Армении, так и из различных районов Малой Азии, в том числе и Киликийской Армении, Крыма и др. Это обстоятельство и привело к появлению разных вариантов преданий о переселении армян: каждая группа отразила свою историю в преданиях, причины своего переселения и время появления в черкесских горах.

Сравнительный анализ текстов преданий, этнографического материала и всего круга первоисточников определенным образом выявляет, что первая группа переселенцев-армян, по всей видимости, была группой воинов. Анализ политической ситуации Армении X-XI вв. показывает возможность такого рода переселения. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на всю дальнейшую судьбу данной группы армян. Женившись на черкешенках, они распростанялись среди всех адыгоязычных групп. Поздние переселенцы-армяне также, следуя примеру первых пришельцев, рассеялись среди различных групп местного населения.

Во втором параграфе рассматриваются политические, социаль-

но-экономические и культурно-бытовые условия формирования черкесогаев. Развитие этнических групп, оторванных от своего основного массива, как правило, происходит в рамках исторического развития тех этнических общностей, среди которых они обосновались. Поэтому в данном параграфе дается краткий анализ политического, социально-экономического и культурно-бытового положения адыгов в X-XI вв. Ранний этап формирования феодальных отношений, на котором в этот период находились адыги, создал реальные предпосылки для того, чтобы пришлое армянское население заняло определенное место в социальной иерархии общества: их права были приравнены к правам адыгских уорков - дворян. В специальной литературе их обычно причисляют к адыгским узденям первых степеней, однако, на основании имеющихся материалов в данном параграфе доказывается, что армяне не входили в ту или иную ступень феодальной иерархии адыгов, а выступали в черкесской среде в качестве обособленной этно-социальной категории. Они пользовались покровительством со стороны адыгского дворянства и на них не распространялся традиционный адыгский институт социальных и моральных норм. Существенную роль в системе армяно-адыгских отношений играли аталыческие и куначеские узны, которые устанавливались между армянами и адыгским дворянством, хотя в более поздний период, в эпоху яркой выраженности социальных противоречий эти отношения сочетали в себе два противоположных начала - отношения между равными, между кунаками, с одной стороны, и отношения покровителя и подопечного, с другой. В целом армяне занимали довольно привилегированное положение, что обусловило отношение черкесского дворянства к армянам, как к равным, не считаясь с тем, что они не занимали определенного места в соб-

ственно черкесской феодальной иерархии.

В течение многовековой жизни среди черкесов этнический облик армян претерпел существенные изменения: они полностью забыли армянский язык, усвоили диалекты тех адыгских этнических подразделений, среди которых жили, а по своим культурно-бытовым особенностям походили на черкесов. Это сильное культурное воздействие имело место из-за дисперсного характера расселенности армян, широких межэтнических браков, установлением экономических связей, аталыческих и куначеских отношений с определенным черкесским кругом. К началу XIX в., для обозначения этой группы, начали употреблять термин "черкесогаи". В это время прослеживаются определенные качественные отличия в восприятии понятий "армяне" и "черкесогаи", что, несомненно, было результатом сложения своеобразного этно-культурного образования, стоявшего особняком между собственно армянами и адыгами. Сущность этого явления заключается в том, что в период проживания армян в черкесских горах и после этого не только происходил процесс "черкесизации" армян, но и параллельно шел процесс включения в их состав иноэтнических элементов и даже целых групп. Этот процесс включения обычно сопровождался принятием армяно-григорианского вероисповедания. Так, например, имеется много фактов принятия адыгами христианства армяно-григорианского толка.^I

I Шаан Симон. Памятник Армавирскому армянскому церковному хору, Тифлис, 1914, с. 69 (на арм. яз.); Шербина Ф. А. История Армавира и черкесогаев, Екатеринбург, 1916, с. 13-14; Архив Матенадарана, Ка-толикосский диван, папка № 108, 66.5, 7, 19, 60 и др.; Архив ЗАГС-а г. Армавира, Журн. Армавирской арм. церкви за 1866 г., лл. 13, 34; за 1867 г., л. 6; за 1868 г., лл. 7, 20, 34; за 1871 г., л. 4; 1874, л. 30 и т. д.

Чаще всего адыги прибегали к этому, поскольку посредством принятия христианства черкесы, находившиеся в состоянии рабства или иной зависимости, освобождались от невольничества и, в ряде случаев, входили в привилегированную черкесогайскую группу. Таким образом, параллельно с культурно-языковой "черкесизацией" армян шел и процесс периодической христианизации и "черкесогайзации" определенной части адыгов, явления, которые в совокупности создавали предпосылки для их последующей интеграции в своеобразную, обособленную этно-культурную общность. Эта общность в литературе получила название черкесогайской, наилучшим образом отражавшее его двойственную природу.

Вторая глава диссертации - "Социально-экономические и политические условия жизни черкесогаяев до середины XIX в." характеризует жизнь черкесогаяев в период их проживания в горах, которая отличалась целым рядом специфических особенностей, наложившим свой отпечаток как на процесс формирования черкесогаяев, так и на весь уклад их жизни. Исторические и этнографические материалы явственно показывают, что в складывающейся черкесогайской среде во многом стали следовать традициям адыгского дворянства. Эти традиции не предписывали заниматься земледельческо-скотоводческим трудом, в особенности земледельческим, что и обусловило широкое применение труда рабов и зависимых людей на этих работах. Многие черкесогаяи, наподобие адыгским уоркам, в большем или меньшем числе держали рабов, что уже само по себе объективно способствовало довольно высокому социальному статусу черкесогаяев.

Черкесогаяи были автономны во внутренних делах. Для ведения этих дел они выбирали из своей среды четырех лиц, орган

управления, который назывался "т'хамата"¹. Это был коллегиальный орган с административными и судебными функциями, во многом следовавший черкесским адатам. Каждая группа черкесогаяев, проживавшая на территории определенного адыгоязычного этно-культурного образования, имела свой "т'хамата", а всеобщего черкесогайского органа управления, судя по материалам, не существовало.

Среди горцев черкесогаяи очень широко занимались торговой деятельностью. Вплоть до конца XVIII в. главными торговыми пунктами, посещаемыми черкесогаями, были черноморские порты: Анапа, Туапсе, Сухум-Кале, Поти, Синоп, Трапезунд, а также ряд менее значительных центров. Они вывозили с гор необделанные кожи, лошадей, овец, шерсть, мед, воск, нередко и пленников, привозили же к адыгам бумажные изделия, сукно, нефть, металлические изделия, соль, шелк и предметы роскоши.

С переселением казаков на берега Кубани начинается оживленная торговля с украинцами и русскими, постепенно приобретшая доминирующее значение. Этому способствовали многие факторы. Во-первых, с изменением политической обстановки в Крыму возникает много препятствий для торговли на Черноморском побережье, тогда как царское правительство с целью привлечения горцев на свою сторону поощряло торговлю в приграничных районах Кубани. Во-вторых, торговля с Россией была весьма выгодна и для основного горского населения, ибо она "обеспечивала продуктами потребления, а не предметами роскоши. Из России, например, ввозились хлопчатобу-

¹ По-видимому, от кабардинского слова "тхъзмаде" - "старший", "старшина" (Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, т.2, Москва: Наука, 1977, с.82).

мажные ткани, холст, а не шелк..., из России шло железо, тогда как с Востока поступали золото, серебро и драгоценные камни"¹. Поскольку торговля горского населения на Северо-Западном Кавказе в значительной мере осуществлялась посредством черкесогоаев, то это обусловило интенсификацию их контактов с русскими, чему способствовали также и многие новые политические условия в данном регионе.

Торговая деятельность черкесогоаев давала возможность для постоянного общения их с различными группами армян. Так, если, торговля в Крыму и на Черноморском побережье обеспечивала связь черкесогоаев с причерноморскими армянами, то торговля на Кубани связывала их с армянами на русской стороне Кубани, тем более, если иметь в виду и то обстоятельство, что "вдоль по Российской границе, начиная от Моздока до устья Кубани, торг имену производят с черкесами нахичеванские, кизлярские и моздокские армяне", о чем С.Броневский приводит достоверные сведения².

Со второй половины XVIII в. на Северо-Западном Кавказе сильно меняется политическая ситуация. Кавказ для царской России в этот период приобретает помимо стратегического и самостоятельное политико-экономическое значение как объект колониальной эксплуатации. Усиливались экономические и политические позиции царской России на Кавказе. В этих условиях Кавказ становится ареной борьбы между царской Россией и, стоявшей за спиной Крымского ханства, Турцией.

¹ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVII-первая половина XIX в.). Москва: Наука, 1967, с. II 16.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 142.

Уже с XVIII в. и, в особенности, в первой половине XIX в., в связи с широким распространением среди горцев ислама, форма вероисповедания черкесогоаев начинает вызывать острые конфликтные ситуации. Начинаются преследования черкесогоаев за их религию, все более и более приобретающие систематический характер. Черкесов настраивали против черкесогоаев и крымские ханы. И это вполне понятно, ибо не только и не столько религиозная принадлежность черкесогоаев, сколько их широкие связи с русскими на русской стороне Кубани делали черкесогоаев в глазах крымских ханов потенциальными сторонниками русских.

В целях самозащиты, прежде довольно широко расселенные черкесогоаи начинают постепенно объединяться, они селятся совместно в отдельных аулах и вскоре в Черкесии появляется несколько черкесогоайских аулов. В начале XIX в. наиболее известные из них были Гнур-хабль, Егер-ухай, Адыхой, Хатукай, Зуты - на территории темиргоевцев, Эдепс-ухай - на территории бжедугтов и др. Однако уже с конца XVIII в. и, особенно, в начале XIX в. черкесогоаи искали пути переселения с черкесской стороны Кубани на русскую сторону. Осуществить эту задачу было весьма сложно, так как в это время черкесогоаи все еще жили довольно разрозненно и, как свидетельствует документ 1819 г., не было "почти в горах селения, в котором не находилось бы несколько армянских семей"¹.

Трудно установить точное число черкесогоаев, проживавших в горах в этот период, однако по косвенным данным можно восстановить примерное их число. Материалы показывают, что число черкесогоайских семей, проживавших в среднем в одном ауле, колебалось I Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, с. 451.

от 9-10 до 19-20, а среднее число членов обычной черкесогайской семьи составляло 6 человек. Во всей Черкесии, по данным Хан-Гирея, было всего 602 аула¹. Если допустить, что черкесогайцы жили не во всех селениях, а лишь в половине из них (в 301 из 602-х), а в каждом проживало по 9-10 семей (хотя эта цифра колеблется до 19-20), то минимальное число черкесогайских семей составит примерно 2700-3000 ($301 \times 9 = 2709$). При наличии 6 человек на долю каждой семьи, возможное число черкесогайского населения во всей Черкесии составит 16.200-18.000 человек. Эта цифра нам не представляется максимальной, ибо при подсчете на основу брались заниженные средние.

С 30-х годов XIX в. военное начальство Кавказа создало благоприятные условия и предпосылки для переселения черкесогаяев на русскую сторону Кубани. Переселение длилось несколько лет. Основная часть переселенцев-черкесогаяев в 1839 г. на берегу реки Кубань образовала отдельный аул, который вначале назывался просто Армянским аулом, а затем, с 1841 г. стал именоваться Армавиром, в честь названия одной из столиц Исторической Армении. Другие группы черкесогаяев поселились в Новом Нахичеване, Лысогорске, Новороссийске, Екатеринодаре, Моздоке, Кизляре, а также в ряде казачьих станиц - Пашковской, Прочном Окопе, Ново-Джеремиевской, Брижовцевой и др. Сколько было таких переселившихся групп, какова была их общая численность, сколько черкесогаяев осталось в горах, по этим аспектам, к сожалению, мы не располагаем ныне даже приблизительными данными.

В новых районах поселения сложились иные социально-политические и культурно-бытовые условия, наложившие свой отпечаток

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с.85.

на дальнейшую судьбу черкесогайского населения, определив основные тенденции в их этно-культурном развитии.

Глава третья - "Этно-культурная история черкесогаяев в середине XIX-начале XX вв." состоит из трех параграфов: "Хозяйственный быт и материальная культура", "Общественно-семейный быт и духовная культура", "Основные направления этно-культурных процессов у черкесогаяев".

В первом параграфе данной главы рассматриваются вопросы эволюции хозяйственного быта и материальной культуры черкесогаяев после переселения с гор.

Особо важное значение для исследования этно-культурной истории черкесогаяев рассматриваемого периода имеет изучение населения самого значительного черкесогайского поселения - Армянского аула - Армавира. Именно здесь сосредоточивалась преобладающая часть черкесогайского населения и именно здесь с наибольшей отчетливостью проступали характернейшие черты их культурно-бытового облика.

Материалы показывают, что в Армавире, с самого начала его основания, выходцы с территории различных адыгоязычных этно-культурных общностей, поселялись совместно, в соответствии со своими прежними локальными группами. В результате новый аул разделился на четыре квартала, названия которых отражали происхождение черкесогаяев: хатукаевский, гяурхабльский, егерухаевский и хакубхабльский. Население каждого квартала характеризовалось определенной общностью языка (здесь функционировали диалекты соответствующих адыгоязычных общностей), некоторой спецификой культуры и быта (в соответствии с локальными культурно-бытовыми подразделениями адыгов). В начальный период для

населения отдельных кварталов, в известной степени, были характерны относительная замкнутость, наличие внутриквартальных интересов как в области экономической, так и в общественной жизни.

В аспекте этнического состава населения Армавира важно отметить, что оно состояло не только из собственно черкесогоаев, но и зависимого черкесского элемента.

На основе анализа материалов показано, что в начальный период заселения Армавира в комплексе хозяйства скотоводство занимало первенствующую роль. Черкесогоаи пригнали с гор большие табуны лошадей, стада овец, буйволов и коров. Буйволов держали преимущественно для ведения земледельческих работ, используя в качестве тягловой силы; овец и коров — для получения мяса, молока и других продуктов, часть которых шла на продажу, а лошадей — для верховой езды и продажи. Система ведения скотоводства характеризовалась целым рядом специфических черт, наиболее существенным из которых было почти круглогодичное пастбищное содержание скота на сезонных угодьях, приведшее к появлению временных поселений.

В этот период земледелие в жизни черкесогоаев не имело важного значения. Большей частью к земледельческому труду они относились несколько пренебрежительно, а их земельные участки, если и обрабатывались, то исключительно трудом зависимых черкесов. Из земледельческих культур, видимо, под влиянием местных традиций, наибольшее распространение имело просо. На втором месте была культура пшеницы. Сажали также ячмень, кукурузу, рожь и овес. Еще меньшее распространение у черкесогоаев получило выращивание садовых, бахчевых и огородных культур. Ис-

точники определенным образом свидетельствуют, что земледельческие продукты шли лишь на внутренние потребности населения.

Важным компонентом в комплексе хозяйственной деятельности черкесогоаев в Армавире была торговля. В центре Армавира очень скоро появились десятки лавок, а специальным царским указом предусматривались в ауле ежегодные ярмарки.

С 60-х годов начинаются сдвиги в хозяйственном быту черкесогоаев, что было связано с вовлечением их во всероссийский рынок в связи с отменой крепостного права и развитием капиталистических отношений. В новых условиях в Кубанском крае особое развитие получает торговое земледелие, основанное на зерновых культурах. Это приводит к значительным изменениям и в земледельческом хозяйстве черкесогоаев. Начиная с 70-х годов XIX в. население Армавира в больших масштабах начинает заниматься земледелием, в связи с чем роль скотоводства постепенно уменьшается и приобретает подсобный характер. Развивается обрабатывающая промышленность.

Проведение в 1875 г. Владикавказской железной дороги развивает производительные силы всего края. Армавир становится одним из главных центров Северного Кавказа в развитии промышленности и торговли, быстро втягивается во всероссийский, а через него и в мировой рынок.

Особенности хозяйственного быта черкесогоаев, динамика которых нами была прослежена на материалах 1839-1900 гг., отчетливо проявляется и на целом ряде элементов материальной культуры. С этой точки зрения особый интерес представляет структура поселенческого комплекса Армавира. Внутри поселения четко выделялись границы между четырьмя основными кварталами. Внутри квар-

талов дома тесно примыкали друг к другу, так что образовывали компактно-слитную форму. В центре поселения располагались торговые, общественные и культовые объекты.

Наиболее распространенным типом жилища черкесов в Армавире был длинный дом, состоявший обычно из трех комнат, стены были из плетени, смазанные глиной и известью, т.е. представлял собой классический вариант туркучных домов.

Однако с 70-80 гг. в Армавире появляются большие кирпичные постройки, вначале гостиницы, клубы, чайные, магазины, а затем и жилые дома. Городской быт стал преобладающим, многие черты прежнего сельского быта отступали, взамен сложились черты типичного городского характера.

Эти данные подтверждаются и на примере других элементов материальной культуры. Если еще в первой половине XIX в. для черкесов были характерны многие элементы черкесского национального костюма, то уже с 70-х годов прошлого столетия, в связи с вышеотмеченными процессами, довольно интенсивно стала распространяться европейская одежда.

По сравнению с другими элементами материальной культуры система питания черкесов отличалась наибольшей устойчивостью своего компонентного состава. Многие из того, что готовилось в доме, соответствовало традициям черкесской кухни. Показательно, что в начальный период в пище черкесов преобладали мясные и молочные продукты. Со второй половины XIX в., когда несравненно более значительными стали масштабы ведения земледельческого хозяйства, удельный вес земледельческих продуктов в системе питания несколько возрос. Таким образом, в хозяйственном быту и материальной культуре черкесов рассматриваемого периода

четко проступает процесс урбанизации, приведший к преобразованию быта черкесов и интернационализации их культурно-бытового облика.

Во втором параграфе рассматриваются вопросы эволюции общественно-семейного быта и духовной культуры черкесов. Здесь показано, что хотя в начальный период поселения в Армавире черкесы и сохраняли прежний принцип и прежний орган управления (т'хамата), однако с 70-х годов, войдя в качестве отдельной сельской единицы в Баталпащинский уезд Кубанской области, заменили т'хамату единоличной властью сельского старшины, который уже назначался уездной администрацией. Административные и судебные функции традиционной системы сельского управления также были отменены - суд стал самостоятельным органом.

Наиболее распространенной формой семьи у черкесов была малая семья, а в системе внутрисемейных и общественных отношений довольно живучи были традиции патриархального уклада.

Существовали две основные формы брака - сватовством и похищением. Последняя имела три вида: похищение вопреки воле девушки и ее родителей, похищение с согласия девушки и ее родителей, третий вид - похищение только с согласия девушки. На основании материалов в этом параграфе восстанавливается черкесский пласт в свадебном обряде черкесов, а также показывается, что к концу XIX-началу XX вв. в свадебный обряд черкесов проникают иноэтнические, в частности, русские элементы.

То же самое наблюдается и в похоронно-поминальных обрядах черкесов. В них тесно переплетались элементы христианских и языческих обрядов и обычаев, в этническом плане четко прослеживается и черкесское влияние, и в результате сложился опреде-

ленный комплекс, в котором органически срослись явления поли-этнического и конфессионального характера.

В общественно-семейной жизни черкесогоаев соблюдались многие христианские праздники и посты. Самое примечательное в них то, что при абсолютном доминировании сугубо христианских явлений, сохранились и отголоски армянского народного праздничного календаря.

Столетия совместной жизни с черкесами оставили неизгладимые следы и на всей духовной культуре черкесогоаев. Эти следы особенно явственно проступают в устном и музыкальном фольклоре черкесогоаев, отличавшемся большим разнообразием и многогранностью. Под влиянием черкесского фольклора, в черкесогоайских песнях важное место уделялось нартским и черкесским народным героям. Многие черкесогоайские поговорки, пословицы и загадки имеют свои аналоги в черкесском фольклоре. В песнях звучали мотивы радости, скорби, воспевалась храбрость; были колыбельные песни, были и сюжетные, где рассказывались о тех или иных событиях — боевых поединках, неудавшихся похищениях девушек и т.д.

Проживая в горах, черкесогоаи сочинили много песен о христианских святых, хотя подлинное содержание этих песен ничего общего с христианством не имело. Но зато они доставляли моральное удовлетворение, воодушевляли, отражали представление о своей самобытности, отличии от черкесов. Это были их песни, об их святых, об их жизни, об их устремлениях. В некоторых из них проявляются отголоски старинных армянских песен и языческих представлений. Например, в песне черкесогоаев, посвященной Св. Георгию, звучат мотивы из древнейшей песни об армянском языческом

божестве Ваагне, а песня о Марии Богородице, по-видимому, была посвящена армянской богине воды, плодородия и материнства Анаит, элементы культа которой впоследствии вошли в культ Марии Богородицы.

При сопоставлении мотивов устного народного творчества черкесогоаев с аналогичными жанрами армянского фольклора обнаруживается интересная деталь: именно здесь, как ни в одной другой сфере культуры черкесогоаев прослеживается большая близость, а точнее преемственность традиции.

Аналогичное явление выявляется и при изучении религиозных представлений и культов черкесогоаев.

В целом в духовной культуре черкесогоаев как бы сосуществовали, переплетались три основных слоя. Один из них имел значительные аналогии с армянскими культурными традициями, другой — с черкесскими, а третий слой носил в себе отпечаток специфичности и своеобразия черкесогоайского характера, тем самым отражая сущность черкесогоайского феномена.

В третьем параграфе характеризуются основные направления этно-культурных процессов у черкесогоаев. С становлением и развитием Армавира постепенно происходило изменение в этническом составе его населения. В 1876 г. число пришлого населения иного этнического происхождения составляло 19% от общего числа, в 1881 г. — 27,7%, а в 1891 г. — уже 63%. Это пришлое население было мозаично в аспекте этнического состава. Среди различных иноэтнических групп преобладали русские, затем собственно армяне, далее идут немцы, поляки, украинцы и др. Сложение такого соотношения было результатом не только притока в Армавир новых поселенцев иноэтнического происхождения, но и оттока многих чер-

черкесогайских и черкесских семей. Особенно значительный отток черкесов из Армавира имел место после отмены крепостного права: многие черкесы выселились из Армавира и образовали отдельный аул на берегу реки Уруп - Урупский аул. Оставшиеся же в Армавире черкесы приняли христианство и влились в состав черкесогоаев. В 1911 г. этнический состав Армавира выражался в таком соотношении: русских было 32.983, черкесогоаев - 5.200, армян - 2.680, поляков - 208 и т.д. В процентном выражении соотношение основных этнических групп в Армавире выглядело следующим образом: черкесогоаи составляли примерно 11,7%, армяне - 6%, а русские - 74% от общего числа населения.

Таким образом, во второй половине XIX в. этнический состав Армавира становится очень пестрым, который и наложил свой значительный отпечаток на характер межэтнических контактов.

Переселение армян в Армавир, а также интенсивные контакты черкесогоаев с населением армянских колоний Северного Кавказа, возникший в среде армянской общественности интерес к черкесогоаим определили некоторые тенденции культурной ориентации черкесогоаев: в школах обучали и армянскому языку, в быту распространялись элементы армянской этнической культуры (некоторые блюда, праздники, обычаи и др.). В повседневный обиход проникали армянские слова, преимущественно церковного характера. Многие черкесогоаи, имевшие черкесские по происхождению фамилии, видоизменяли их на армянский лад. Видоизменялись и личные имена. После крещения женщинам, взамен прежних черкесских имен давали новые - христианские, которые черкесогоаими воспринимались как армянские, хотя в действительности они были далеко не армянокие, как например, Анна, Варвара, Мария, Катарина и др.

Черкесогоаи же мужчины, помимо старых черкесских имен, получали и новые армянские имена. В официальных документах часто писались и черкесские, и армянские имена. Так, в журналах армавирской армянской церкви часто встречаются Порох-Оваким, Шумаф-Мелкон, Нохалл-Саак, Палу-Акоб, Шрух-Барсег, Шумаф-Григор, Тутух-Барсег и др.¹

Однако помимо этого в жизни черкесогоаев наблюдается также и стремление к обособлению от армян, поскольку принадлежность к черкесогоайскому сословию давала определенные льготы. Известно, что права черкесогоаев были приравнены к правам казачьего сословия: черкесогоайские общества надеялись земельными участками и освобождались от налогов. Таковыми правами не пользовались, например, армяне и другие иноэтнические группы, которые, больше того, должны были платить определенный налог самим черкесогоаим, если проживали на их землях. В этих условиях естественно стремление черкесогоаев к обособлению от армян и других, в целях сохранения своего привилегированного социального статуса. Все это создавало благоприятные возможности для внутренней консолидации черкесогоаев, для отмежевания своего социокультурного "я" от армян и других иноэтнических групп, обострения чувства "мы" и "они". У черкесогоаев постепенно складывается качественно новое самосознание, именно то, что они "черкесогоаи", что они отличны от всех остальных. Сложный синтез культур разных народностей, не до конца сложившаяся определенность этнической принадлежности черкесогоаев, изменение социально-экономических условий жизни оказали сильное воздействие на весь их облик.

В целом этно-культурное развитие черкесогоаев происходило
¹ ЦИА, фонд 52, оп.3, д.34, лл.34,38 (на арм.яз.).

в условиях наиболее тесного контакта с русским населением, которое в 1911 г. составляло абсолютное большинство в Армави́ре — из 44.500 человек 32.983 составляли русские. Если к этому добавить и то обстоятельство, что на всем Северном Кавказе и в административно-управленческой, и в торгово-промышленной сферах, и в культурной жизни преобладал русский язык и русский этнический элемент, то становится понятным, что в этих условиях происходило известное культурно-языковое обилие черкесогов именно с русским населением. Элементы материальной и духовной культуры русских проникали в черкесоговскую среду. Армави́рский черкесоговский промышленно-купеческий слой в наибольшей мере интегрировался с русской промышленно-торговой прослойкой. Черкесогово-русские браки в начале века уже становились частными явлениями. Дальнейший процесс этнического самоутверждения черкесогов постепенно ослабляется, а этническое самосознание становится менее определенным и более расплывчатым.

Все это, несомненно, явилось результатом как сложности процесса формирования черкесогов, так и мозаичности, а в известной мере и противоречивости их этно-языково-культурной природы. Специфические особенности развития черкесоговского общества заключались в том, что характер внутриконсолидационных процессов и межэтнических контактов не создали реальных предпосылок для сложения самостоятельной этнической общности, хотя тенденции, ведущие к этому, наблюдались довольно явственно. А события, последовавшие вслед за превращением в 1913 г. Армави́ра в город и вовсе не могли способствовать этому процессу. Черкесогов, ставшие наряду с иными этническими группами, горожанами, потеряли свои прежние привилегии, т.е. то, что ранее давало ос-

нование для сохранения обособленности, теперь исчезло. В результате в значительной степени ослабился процесс формирования органической целостности, сложения единства внутри черкесогов. Однако, несмотря на все это, черкесоговский этно-культурный феномен и в последующие десятилетия функционировал, все более и более теряя свои специфические черты, растворяясь в иноэтнических общностях.

В заключении даются основные выводы диссертации.

В XI-XII вв. на Северо-Западном Кавказе появилась группа армян, тепло встреченная местными горцами. Эта группа, по всей видимости состоявшая из воинов, скоро заняла довольно высокое место среди адыгов (черкесов), их права были приравнены к правам адыгских уорков. Исследование показало, что они сохраняли некоторую свою обособленность, были автономны в решениях своих внутренних дел и постепенно вылились в некую этно-социальную категорию, на которую не распространялись обычные нормы социально-экономической жизни черкесов.

Число армян в дальнейшем пополнялось новыми группами, выходцами из самых разных мест — собственно Армении, Киликийской Армении, Малой Азии, Персии, Крыма и др.

Дисперсность расселенности армян на Северо-Западном Кавказе, отсутствие постоянных связей с родиной, высокий процент межэтнических браков в процессе исторического функционирования привело к тому, что элементы черкесской культуры не только проникали во все сферы жизни, но и стали преобладающими.

Процесс языково-культурной трансформации армян, в определенном смысле, был одновременно и процессом их "черкесизации". Но высокий их социальный статус, а также приверженность к ар-

мяно-григорианскому вероисповеданию, привели не к полной черкесизации, а к сложению нового феномена - черкесогайского. Другая сторона этого процесса заключалась в том, что наряду с армянами, в процесс формирования черкесогаев была вовлечена часть черкесов.

Формирование черкесогайской общности дает еще один весьма наглядный пример того, как социально-экономические условия жизни могут играть определяющую роль в этно-культурном процессе.

После переселения с гор у черкесогаев наблюдается установление широких связей с армянами. Однако это сближение не развивалось, чему помимо всего остального, препятствовали довольно значительные социально-экономические привилегии черкесогаев по сравнению с армянами Армавира. В этих условиях среди черкесогаев наблюдалась тенденция к самоутверждению в качестве отдельной социо-культурной единицы. В дальнейшем этно-культурное развитие черкесогаев происходило в условиях наиболее тесного контакта с русским населением и в итоге произошло значительное языково-культурное сближение черкесогаев с русскими.

Основные положения диссертации опубликованы

1. Культурная эволюция черкесогаев с конца XIX в. до наших дней. - Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР (1974-1976). Ленинград: Наука, 1977, 0,3 п.л.

2. Заметки о расселенности черкесогаев. - IV республиканская конференция молодых ученых, посвященная 110-летию В.И. Ленина. Тезисы докладов. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1980, 0,3 п.л. (на арм. яз.).

3. О некоторых аспектах этнического самосознания черкесогаев. - Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований (1978-1979). Тезисы докладов. Уфа: БАН СССР, 1980, 0,3 п.л.

4. Расселенность черкесогаев в конце XVIII-начале XIX вв. - Вестник Ереванского университета, сер. общественные науки, 1981, № 2, 0,5 п.л. (на арм.яз.).

5. Некоторые вопросы истории переселения армян на Северо-Западный Кавказ и становление черкесогаев. - Кавказ и Византия, вып.3, Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1981, I п.л.

Заказ 326

Тираж 120

Цех "Ротапринт" Ереванского госуниверситета. Ереван, Мравина № I.